

Михаил Гаузнер

Мои старики и прототип Остапа

Дед Давид и бабушка Софья были одними из самых близких и любимых мною людей. Рядом с ними прошли все мое детство, юность и первые молодые годы жизни – мы всегда, даже в эвакуации, жили вместе, до самого их ухода в мир иной.

На одной из прекрасно сохранившихся фотографий того времени – молодой человек в двубортном сюртуке с двумя рядами пуговиц; средняя расстегнута, что позволяет вставить внутрь кисть руки, от которой видна только белая манжета. Твердый стоячий воротничок охвачен темным шейным платком, выступающая часть которого закреплена заколкой со светлым камнем. Красивое выразительное лицо с правильными чертами, зачесанные назад гладкие темные волосы, густые черные брови и такого же цвета большие усы.

Мой будущий дед смотрит прямо на меня. Он легко узнаваем, хотя в моей памяти волосы у него совершенно белые, усы неопределенного цвета, прокуренные, а брови – такие же черные и густые.

Чудом сохранилась одна из открыток, которую он послал своей невесте. Каллиграфическим почерком, с чередованием нажимов и тонких, чуть ли не волосяных линий написано:

«Сарре Соломоновне М-лле Хасилевой!

Милая Сонюша! Крайне сожалею, что я лишень удовольствія лично поздравить тебя с днемъ рождения. А потому мысленно желаю Тебе истиннаго счастья и долголетия.

Любящий тебя Давид.

Приветствую всехъ. 14.IV.1903 г.»

Они прожили вместе около 60 лет, трогательно и с достоинством относясь друг к другу. Я бережно храню настольные часы – наш подарок им к золотой свадьбе. К светлому деревянному корпусу прикреплена наискосок медная хромированная пластинка с загнутым уголком. Выгравированные желтые буквы за эти годы потускнели, но надпись легко читается: «Дорогим юбилярам от потомков двух поколений. 1903-1953».

После свадьбы дед и бабушка поселились в г. Могилеве-Подольском, где дед успешно держал мануфактурный магазин. В начале двадцатых годов они с детьми, как-то уцелев в смутное время Гражданской войны и похоронив младшую дочь, переехали в Одессу.

Здесь деду пришлось забыть, что в прошлой жизни он был серьезным и успешным коммерсантом, и начать работать слесарем – приходилось выживать и приспосабливаться к реальным условиям жизни.

Однажды в конце 20-х годов к деду обратился от имени его старых знакомых приехавший в Одессу молодой человек по имени Григорий Пильдиш. Впоследствии и дед, и отец говорили, что тот вполне мог бы стать одним из прототипов Остапа Бендера. Впервые появился он утром, когда дед уже ушел на работу, а отец собирался на занятия в техникум. Поинтересовавшись, где отец учится, Григорий сказал, что для начала ему это, пожалуй, подойдет.

В техникуме удалось получить домашний адрес директора. Явившись в его квартиру, когда директор завтракал, Григорий заявил, что готов разделить с ним трапезу, а потом обсудить вопросы, которые явно заинтересуют директора. В тот же день после занятий мой изумленный отец узнал, что Гриша зачислен студентом – это в середине

Дедушка перед свадьбой. 1903 год

Бабушка перед свадьбой. 1903 год

учебного года и, скорее всего, без необходимых документов. Чем взял Гриша директора, осталось неизвестным.

Когда в техникуме состоялось общее собрание, Гриша выступил с пламенной речью и настолько покорила аудиторию, что тут же был избран председателем учкома. Он совершенно не отягощал себя посещением занятий и полностью сосредоточился на общественной деятельности. Неизвестно, чем она закончилась бы и для студентов, и для преподавателей (а ведь в те годы именно студенты решали, оставлять ли преподавателей на работе), но вскоре Гриша перестал появляться и в техникуме, и в семье

деда. Вероятно, у него появились другие интересы.

Через некоторое время отец встретил на Дерибасовской Гришу, ведущего под руки двух расфуфыренных девиц. Увидев отца, он радостно воскликнул: «Яня!» – и широко раскинул руки для объятия. Девицы при этом разлетелись в разные стороны, и об их существовании Гриша больше не вспоминал. Он пригласил отца и его друзей в «Гамбринус» (тот, старый, на Преображенской, где играл когда-то Сашка-музыкант), не желая слушать их робкие попытки отговориться отсутствием времени, а в действительности – денег. По дороге Гриша сообщил, что организовал и возглавил профсоюз трубочистов, предъявив в качестве доказательства массивный золотой портсигар с выгравированной надписью «Дорогому председателю от благодарных трубочистов». Друзья отца смотрели на него и слушали, разинув рты.

В «Гамбринусе» Гриша щедро делал заказы на всю компанию, пока не закончились деньги. После этого он предложил отцу

и еще одному из участников гулянки ненадолго отлучиться с ним «по делу».

Была уже ночь. Они вошли в парадное какого-то дома. Гриша оставил их на междуэтажной площадке, поднялся и позвонил в дверь одной из квартир.

После нескольких настойчивых звонков дверь открылась, и отец услышал примерно такой тихий разговор: «Григорий Ефимович, это вы? Что случилось? Ведь уже ночь!» – «Ситуация не терпит отлагательств. Завтра финотдел нагрянет к вам с проверкой. *Есть мнение* все конфисковать, дело закрыть, а вас посадить. Если утром не *решить вопрос* (ну, вы понимаете), то потом я уже ничего не смогу сделать». – «Григорий Ефимович, вы мой благодетель. Сколько нужно дать?». Дальше следовали реплики типа: «Ну, не знаю, не знаю... Вы сами должны понимать... Может быть, и хватит, но не гарантирую... Решайте сами...». Потом за дверью зазвучал встревоженный женский голос, и нэпман громким шепотом сказал: «Розочка, солнышко, это наш спаситель Григорий Ефимович. Быстренько принеси деньги. Какое счастье, что у нас есть такой человек!».

Когда Гриша с довольным видом спустился к своим спутникам, отец осторожно спросил: «Значит, ты сейчас работаешь в финотделе?». Гриша рассмеялся: «Яня, не забывай себе голову глупостями. Я похож на счетовода? Пошли, будем продолжать».

Из его веселых розыгрышей отец запомнил спор о чае. Гриша поспорил на приличную сумму, что выпьет подряд десять стаканов чаю с лимоном. Ударили по рукам. Попросив у буфетчика пустой чайный стакан и несколько лимонов, Гриша выбрал из них один, плотно входивший в стакан так, что над ним почти не оставалось свободного места. Потом налил до верха стакана чай и выпил, сделал так десять раз. В ответ на возмущение поспоривших невозмутимо сказал: «Разве я нарушил условие спора? Десять стаканов чаю с лимоном выпиты? Выпиты!». Формально он был прав.

Время от времени Гриша неожиданно появлялся в квартире деда, шокируя его и бабушку необычными историями из своей жизни. Однажды он рассказал, что стал уполномоченным по подписке на газеты одного из крупных московских издательств. Из его недоговорок было ясно, что значительная часть полученных денег (если не все) оседает в Гришиных карманах. Дед и бабушка

пытались предостеречь («Ведь могут быть неприятности!»), но он, улыбаясь, отмахивался: «Не берите в голову, сейчас такое время».

Наконец, Гриша сообщил, что «одесский климат стал ему вреден», и он уезжает. На вопрос деда «Куда?» он ответил запомнившейся отцу фразой: «Давид Иосифович, дорогой, на мой век дураков хватит». Потом деда вызывали в «органы» и спрашивали о возможном местопребывании его знакомого, о чем дед действительно не знал. Говорили, что Гриша объявлен во всесоюзный розыск.

Через несколько лет общий знакомый рассказал деду, что встретил Гришу в небольшом городке типа Умани, где тот работал... заместителем начальника уголовного розыска! (Естественно, под другой фамилией.) Разве этот человек своей оборотистостью, авантюризмом, актерскими способностями и умением убеждать не похож на «великого комбинатора»?

В начале 30-х началась кампания по конфискации у «нетрудовых элементов» золота и драгоценностей, с горьким юмором названная одесситами «золотухой». Деду вспомнили его буржуазное прошлое (по-видимому, кто-то «настучал»). Пришли с обыском, перевернули все вверх дном; естественно, ничего не нашли, но деда арестовали и пообещали держать в тюрьме до тех пор, пока он не сдаст драгоценности, накопленные нетрудовым путем и так необходимые советскому государству.

Моя мама, незадолго до этого вошедшая в семью отца, пошла к следователю и предложила себя в качестве заложницы вместо свекра, больного «грудной жабой» (так тогда называли стенокардию, которой действительно страдал дед). Она будет сидеть, а в квартире пусть ищут как хотят, хоть полы вскрывают – она уверена, что ценностей нет. Наверное, на следователя произвела впечатление молодая, очень красивая и решительная женщина. Он поверил, что дед «не тянет» на подпольного миллионера, и через какое-то время выпустил из тюрьмы.

Но судьбе было угодно предпринять еще одну попытку сделать деда миллионером. За пару лет до войны его неожиданно вызвали в НКВД, которое одесские острословы по аналогии с Госстрахом называли «Госужасом». Вполне понятно, что и у деда эта организация вызывала такие же ассоциации. Он провел не одну

беспокойную ночь, теряясь в догадках о причине интереса к нему и предполагая самые неприятные последствия.

Однако опасения оказались напрасными. Деду объявили, что во Франции умер его дальний родственник – миллионер, не имевший наследников, который завещал разыскать в бывшей России своих родственников и передать им его состояние: завод, виллу, солидный счет в банке. Нашли нескольких Гаузнеров и среди них – деда. Других однофамильцев в Одессе не обнаружили, нет их и сейчас.

В то время наличие родственников за границей было чревато большими неприятностями. Естественно, дед стал отказываться и от родства, и от наследства. Ему популярно и доходчиво объяснили, что этого делать не следует, но после того, как валюта поступает в нашу страну, он сможет передать деньги детскому дому или на другие нужды государства. Пришлось деду писать и оформлять официальные бумаги, заверять их, оплачивать пошлину, гербовые марки и т. д. При этом он продолжал бояться – жизненный опыт подтверждал, что для этого есть достаточно оснований.

Оформление затянулось, потом началась война, и «компетентным органам» стало не до деда, а ему – не до наследственных дел. Но через пару лет после войны про деда вспомнили, нашли его в Свердловске, где он вместе с моим отцом работал на военном заводе, и все повторилось – дед пытался отказываться, его убеждали, он снова оформлял, заверял, платил.

Судьбе было угодно, чтобы отца наконец перевели из Свердловска в Одессу. Дед очень надеялся, что при переезде в другую республику «органы» его потеряют, и на этом дело об иностранном наследстве закончится. Но он недооценивал эти структуры – через пару лет его опять нашли, и все пошло по третьему кругу. Тянулась эта история довольно долго. Наконец в один прекрасный день сконфуженный дед пришел из НКВД домой, и на его лице была смесь облегчения с разочарованием. Он объявил, что наследство получено, и предложил угадать его величину. Предположения высказывались самые разные – от откровенно фантастических до вполне скромных, но догадаться не удалось никому.

Оказалось, что за годы войны и послевоенной разрухи во Франции наследство превратилось в ничто – завод и вилла были разрушены, деньги на счетах девальвировались в десятки

раз. Короче говоря, суммарные затраты деда на трехразовое оформление заграничного наследства значительно превысили пришедшую на долю деда какую-то смешную сумму, полученную из Франции. Во всяком случае, передать ее на детский дом уже никто не предлагал. С тех пор многие, знавшие об этой истории, долго подтрунивали над дедом, называя его «миллионером».

Так что мне не удалось стать потомком богатого человека. Может быть, это и к лучшему.

После возвращения из эвакуации в Одессу деду вновь пришлось заняться слесарным делом, хотя ему к тому времени исполнилось 68 лет, и работать было уже нелегко. По своему характеру и из-за развившегося ухудшения слуха он был немногословен. Очень любил читать. Раз в неделю, в пятницу, приносил из библиотеки (почему-то в авоське – были такие плетенные из ниток корзинки) несколько книг. Руки его пахли не полностью отмывшимся на работе керосином. Отфыркиваясь, дед умывался у раковины на кухне, на полу образовывалась лужа (ванной он пользовался только по выходным, и переубедить его не удавалось), обедал, ложился на свою кушетку и допоздна читал.

В общих разговорах дед обычно участия не принимал, а если встревал, то коротко и афористично. Когда однажды при нем пожалели общего знакомого, которому изменяет красавица жена, дед оторвался от чтения очередной книги и невозмутимо сказал: «В хорошем деле неплохо иметь и пятьдесят процентов».

Все, что бабушка готовила, дед ел с удовольствием, после чего говорил: «Спасибо, Сонюша», – и целовал ей руку. Но были два продукта, которые дед никогда не употреблял и незаметно отодвигал от себя, если они оказывались рядом с ним за общим столом, – горчица и голландский сыр. Однажды я пристал к нему и стал настойчиво спрашивать, чем вызвана такая неприязнь. Дед лаконично ответил: «Я удивляюсь твоему вопросу. Ее – за вид, его – за запах».

Я очень любил разговаривать с ним «за жизнь». Юности свойственно желание поскорее завершить теперешний этап и приступить к следующему, более интересному. Однажды я эмоционально излил ему очередное свое нетерпение: «Скорей бы уже...». Он усадил меня рядом и сказал: «Мишенька, не надо спешить жить. Жизнь – это дорога через гору. Сначала карабкаешься вверх,

и хочется поскорее преодолеть подъем. Постепенно путь становится более пологим, а затем – ровным, ты уже не спешишь и думаешь, что это надолго. Незаметно начинается уклон, которого ты вначале не замечаешь. Потом уклон увеличивается, ты невольно все больше и больше ускоряешь шаг. Пытаешься притормозить – не получается, ноги сами несут тебя вниз. А потом – обрыв... Так что не спеши, радуйся жизни».

Дед слесарил до 77 лет. Иногда по дороге в институт я обгонял его, тяжело опирающегося на палку, и слышал, как трудно он дышит. В ответ на наши настойчивые уговоры оставить

работу он неизменно отвечал: «Я работаю с 15 лет. Если перестану работать – умру». Я не мог этого понять и рисовал ему неприличные радужные перспективы отдыха с большим количеством свободного времени. Под давлением всех членов семьи он наконец вышел на пенсию, в хорошую погоду ежедневно ходил в Городской сад и проводил там время в компании таких же «пикейных жилетов». Но так прожил дед всего год с небольшим. Тогда я впервые задумался о правильности стремления к размеренному, не наполненному привычным смыслом пенсионному существованию.

Все члены нашей семьи работали, а бабушка, как говорили тогда, «вела дом». Она была спокойной, выдержанной. Не помню, чтобы когда-нибудь повысила голос, проявила раздражение или недружелюбие. Людей видела, как говорят, насквозь. Бывало, ко мне приходил новый знакомый, с которым бабушка, впустив его, успевала обменяться только несколькими незначительными фразами. После его ухода она давала этому человеку характеристику настолько близкую к истине, что я поражался.

Дедушка в 1948 году

Каждая вещь была у нее на предназначенном месте, все делалось четко, рационально, неторопливо. Иногда она по чьему-то адресу позволяла себе высказывание «беспорядок в жизни» – это была максимально возможная для нее степень осуждения.

Спешка и суетливость были для нее неприемлемыми. Однажды мы с женой торопились в театр. Я примчался с работы, быстро умылся и переоделся, на еду уже времени не оставалось, и мы побежали, рискуя опоздать. На следующий день бабушка расспросила нас о спектакле, задала несколько точных вопросов, а потом сказала: «Честно говоря, не понимаю, как вы смогли воспринимать спектакль, переведа дух уже в зрительном зале. Мы с дедом посещали театр довольно редко, но этот день строился по-особому. Дедушка приходил домой на обед и больше на работу не возвращался, отдыхал. Выходили из дома задолго до начала спектакля (а жили они на Ланжероновской, в полутора кварталах от театра), брали извозчика и медленно ехали по Пушкинской до вокзала и обратно. Смотрели на людей, на витрины, потом не спеша гуляли по фойе театра, раскланивались со знакомыми. Понимаете, ребята, мы настраивались на восприятие спектакля, на получение удовольствия. А как вы, прибежав запыхавшись, не переключившись... не понимаю».

Действительно, ей многое в нашей жизни было непонятным, но она, как правило, не позволяла себе вмешиваться и тем более – навязывать свое мнение. Услышав мою непрошеную и по молодости чересчур настойчивую попытку переубедить кого-то из знакомых, она потом сказала мне наедине: «Не пытайся надеть свою голову на шею другого человека – она ему не подойдет, а ты можешь остаться без головы». Преувеличение, но как образно!

Обычно бабушка готовила простые блюда, но по праздничным дням на столе обязательно появлялись традиционные кушанья – фаршированная рыба, цимес, кисло-сладкое жаркое, куриная шейка. Коронным блюдом бабушки были вертуты из так называемого вытяжного теста, кусочек которого величиной чуть больше крупного абрикоса она умудрялась двумя руками растягивать на своем очень большом старинном обеденном столе так, что через него был виден свет лампы (я специально экспериментировал). Когда лист теста занимал всю поверхность стола, в него

многokrатно заворачивались (отсюда название пирога) разные начинки: мясо, творог с изюмом, яблоки, крутые яйца с зеленым луком. Эту «колбаску» длиной в ширину стола (метра полтора) бабушка, не разрезая, укладывала соприкасающимися витками на противень и пекла. В ней было не менее 10-12 тончайших слоев теста, вкус – необыкновенный.

Даже в те времена, когда еще были живы старые хозяйки, сохранившие традиции одесской кухни, это бабушкино произведение было единственным в своем роде. Если теперь в витрине магазина я вижу под названием «вертута» пирог из теста, в пару толстых слоев которого что-то небрежно завернуто, я сразу вспоминаю бабушку и ее кулинарный шедевр.

Когда бабушке исполнилось 82 года, мы отметили ее последний день рождения. Деда и большинства ее сверстников уже не было в живых, но более молодые родственники и наши друзья собрались, чтобы ее поздравить. Я отчетливо помню, как она вышла к гостям: облегающее черное платье в белый горошек, белый отложной воротник, гладкие волосы стянуты сзади, прямая спина, прекрасная осанка.

Села во главе стола, улыбалась, благожелательно и живо реагировала на тосты в ее честь. Потом попросила меня налить в рюмочку ее любимый вермут, встала и спокойно сказала: «Дорогие, я очень благодарна вам за пожелания, особенно потому, что это уже в последний раз». Все замерли, а я не выдержал: «Бабушка, да что ты такое говоришь?». Она невозмутимо ответила: «Мишенька! Моя мама, тетя, старший брат жили не более 83 лет. Видимо, мы, Хаселевы, живем только до этого возраста». Это было в конце апреля, а в сентябре она умерла, проработав недолго.

Чем старше я становлюсь, тем чаще вспоминаю их добрые лица и заботливые поступки, неторопливую речь, образные сравнения и мудрые высказывания. Наверное, это и есть преемственность поколений...

